

АНГЛИЧАНЕ.

Очерки К. Чуковского.

I. Навстрѣчу врагу.

„Первая ваша задача — истребить коварных англичан, раздавить маленькую презрительную армию генерала Френча. Сосредоточьте на этой единственной цели все свое военное искусство и всю доблесть своих солдат. Это нужно сделать немедленно. Таков мой императорский приказ.“

Когда кайзер подписывал эту бумагу, Томми Аткинс^{*)}, не подозревая о грозной напасти, беззаботно шагала по дорогам на передовые позиции и в великодушном расположении духа напевала свою новую пѣсню:

Далеко до Тинперери,
Далеко!

Что это за Тинперери, никому неизвестно. На всем земном шарѣ такой мѣстности нѣтъ. Но въ томъ-то и сказалося беззаботное настроение Аткинса, что онъ, стираемая въ походѣ, избрѣлъ эту смѣшную Тинперери.

Въ карманѣ у него были напутственный приказъ лорда Китченера, въ коемъ коротко и ясно перечислены все обязанности британскаго воина: „не робѣй, не будь трусомъ, будь добръ и възлюбивъ къ женщинамъ (но только възлюбивъ, не больше!) и помни, что мародерство — позоръ“.

Вереницами пересѣкая Ламинанъ, британскія суда безпрерывно доставляли къ берегамъ континента „ничтожную армию“ сэра Джона Френча, а хваленый германскій флотъ, не въ силахъ воспринять вѣстия, безславно скрывался вдали, въ безопасности своихъ собственныхъ гаваней.

Все произошло очень быстро. Томми Аткинсъ очутился во Франціи. Онъ идетъ на передовыя позиции. Если родина, соблюдая военную тайну, не устроила ему торжественныхъ проводовъ, то чужбина встрѣтила его такъ горячо и сердечно, что онъ былъ ошеломленъ и польщенъ. Французы и бельгийцы привѣтствовали въ немъ своего избавителя и на каждомъ шагу изывали свою благодарность.

Одинъ англичанинъ рассказываетъ: „Въ Булонь прибывали транспорты за транспортомъ; полкъ за полкомъ вступалъ на берегъ. Экипажи населяли горы. Съ пѣнями, со свистомъ и съ шутками проходили британскія войска по узкимъ улицамъ стараго города, махая фуражками женщинамъ, посылая поцѣлуй дѣтвора. Ихъ галантное обращеніе и веселыя лица возбуждали къ нимъ глубокое чувство признанія, и въ толпѣ повторялось не разъ: „какъ весело идти вамъ на смерть“.

Шотландскія воинскія такъ странно звучала на улицахъ стараго города. Странно было видѣть британцевъ, которые поютъ маршевую пѣсню. Но страннѣе всего для французскаго уха звучалъ новый воинственный кличъ, привозенный изъ-за моря англичанами:

— Кажется, мы робѣли? — негромко произноситъ одинъ.

— Нѣ-ѣ-ѣтъ!! — оглушительно отвѣчаетъ весь полкъ.

Этимъ „нѣ-ѣ-ѣтъ“ они замѣнили „ура“, съ которымъ прежде бросались въ атаку.

И всѣхъ удивляла другая новинка, которую Аткинсъ уже усвѣлъ обезсмертить: новая походная пѣсня:

Далеко до Тинперери,
Далеко!
Разставаться съ милой Мери
Не легко!

„Прощай же, Пикадилли, — говорите въ этой пѣснѣ дальше, — прощайте, милыя улицы Лондона! Тинперери далеко, но сердце мое тамъ.“

Тинперери въ началѣ войны стало въ Англійи популярнѣйшимъ словомъ. На каждомъ шагу встрѣчались бисвиты Тинперери, шоколадъ Тинперери, воротнички Тинперери. Даже общество для вспоможенія воинамъ окрестило себя этимъ именемъ.

Сплошнымъ празднествомъ было шествіе британскихъ солдатъ къ полю битвы. Въ письмѣ, опубликованномъ въ „Таймсѣ“, одинъ артиллерійскій офицеръ такъ описываетъ этотъ памятный путь:

„Встрѣча была изумительная. Намъ забросали цвѣтами. Какое-то триумфальное шествіе! Въ деревняхъ вдоль дорогъ и на всѣхъ перекресткахъ женщины, мужчины и дѣти съ энтузіазмомъ привѣтствуютъ насъ. Каждый жаждетъ дать намъ что-нибудь, сдѣлать намъ какой-нибудь подарокъ. Они срываютъ въ своихъ садахъ все цвѣты и такъ украшаютъ наши моторы, будто теперь карнавалъ. Они заваливаютъ насъ шоколадомъ, папиросами, фруктами, хлѣбомъ, — всякой величиной, всего не опишешь. Вчера и задер-

жался въ одномъ городишкѣ: нужно было купить керосину; сразу собралось человѣкъ двѣсти, совали мнѣ какіе-то альбомчики, просили написать нѣсколько словъ. Просто помраченіе какое-то! Въ другомъ городѣ я остановился на часъ сдѣлать кое-какія покупки. Мнѣ нужны были автомобильныя очки, ванночка для промыванія глазъ, склянка борной и кое-что изъ провизіи. Все это дали мнѣ даромъ, не позволили заплатить ни сантима; а выпивка и закуска своимъ чередомъ! И чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Что же будетъ, когда кончится война!“

„Вы бы посмотрѣли на нихъ! — пишетъ одинъ рядовой легкой Юрипрерской пѣхоты. — Они просто ошалѣли отъ радости. Жаль, что мы не понимаемъ ихъ словъ. Чуть мы перешли за бельгійскій рубежъ, мы увидѣли большую толпу. Надъ нею развѣвался нашъ флагъ, на которомъ было начертано: „Да здравствуютъ товарищи-британцы!“ Бельгийцы рады отдать намъ послѣднее: срываютъ съ кроватей простыни и дѣлаютъ для насъ утиральники“.

Другіе солдаты рассказываютъ, какъ, маршируя по улицамъ, они были осаждаемы французскими цѣбушками, которыя, идя съ ними объ руку, отрывали себѣ на память отъ ихъ мундировъ и куртокъ блестящія солдатскія пуговицы.

Угощенія, подарки и ласки очень понравились Аткинсу. Онъ былъ бы радъ съ головой окунуться въ эту уютную атмосферу любви. Идя на смерть, онъ тѣшилъ себя, какъ ребенокъ, подарками, сладостями и лакомствами.

„Сейчасъ я квартирую на фермѣ, — благодушно повѣтствуетъ одинъ. — Сплю въ самой лучшей спальнѣ, пью сидръ, кофе, коньякъ, ѣмъ бѣлочки, сливки, отличнѣйшій домашній сыр, — и не плачу ничего!.. Милая сторона, эта Франція! Хорошо бы завести здѣсь хозяйство. Все такъ и претъ изъ земли. Климатъ — одно удовольствие! Похоже на Ирландію, но въ десять разъ лучше!“

И онъ добавляетъ съ печалью:

„Жаль, что такую милую землю вѣмцы разорили и непоко-стили!“ (John Adcock. „Stories of the War“, p. p. 136—137).

Но кончили праздничныя пути. Томми Аткинсъ въ боевомъ огнѣ. Ему данъ приказъ отступить. Въ эти черныя дни англичане проявили столько самоотверженія и рыцарства, что ихъ боготворили вездѣ, гдѣ только они ни являлись.

Чѣкоторые тогдашнія письма изображаютъ мрачными красками жалкихъ измученныхъ бѣженцевъ, которые, заслышавъ о приближеніи вѣмцевъ, испепеляющихъ на своемъ пути всю страну, покинули родные очаги. „Это такъ обидно и горько, что невозможно удержаться отъ слезъ“, — читаемъ въ одномъ солдатскомъ письмѣ. Не разъ въ этихъ письмахъ рассказывается, какъ солдаты отдавали свой паекъ голодающимъ и таскали ихъ дѣтей на плечахъ, чтобы измученныя матери, бѣгущія изъ родныхъ городовъ, не упали тутъ же на дорогѣ.

II. Дѣти и женщины.

Состраданіе къ дѣтямъ и женщинамъ — характерная черта этихъ писемъ. Известно, что при всѣхъ катастрофахъ, кораблекрушеніяхъ, пожарахъ британцы добровольно топили, сгорали, лишь бы спасли дѣти и женщины. У нихъ это стало инстинктомъ. „Дѣти и женщины“, — для нихъ священное слово. И никакія жестокости этой жестокой войны не внушаютъ англійскимъ солдатамъ столько отвращенія и ужаса, какъ бѣдствія женъ, матерей и сиротъ, пострадавшихъ отъ нашествія вѣмцевъ. Даже собственныя раны и муки не такъ удручаютъ ихъ. Великодушно звучитъ эта фраза въ письмѣ сержанта Джо Варбера:

„Вѣмцы кидаютъ съ аэроплановъ гранаты, но, къ сожалѣнію, попадаютъ не въ насъ, а все больше въ женщинъ и дѣтей“. („Daily News“, 16 ноября 1914).

Одинъ раненый пишетъ о себѣ мимоходомъ:

„Кажется, мнѣ отрѣжутъ два пальца; въ четвергъ у меня вынули двѣ пули“.

Но не это занимаетъ его. Главная его мука такая:

„Страшно видѣть женщинъ и дѣтей, въ ужасѣ бѣгущихъ изъ домовъ, которые черезъ минуту будутъ взорваны и превратятся въ развалины! Поскорѣ бы выздоровѣть, чтобы снова отправиться въ бой и хорошенько проучить этихъ изверговъ“.

„Не сказать никакими словами, какъ гнусно они обращаются съ женщинами! — возмущается другой, тоже раненый. — Это покроетъ ихъ вѣчнымъ позоромъ. Этому не забыть, не простить. Если бы только въ Англійи знали, какъ они разстрѣливаютъ маленькихъ дѣвочекъ, — все взяли бы за оружіе, до единой!“

„Вамъ было бы очень жалько бельгійскихъ женщинъ, — пишетъ матери рядовой Робертъ Робертсонъ. — Онѣ вынуждены покидать свои гнѣзда и бѣжать куда глаза глядятъ. Дѣти цѣпляются за материнскія юбки. Вчера мы наткнулись на ужасную вещь: женщина, сейчасъ послѣ родовъ, бѣжала изъ дому вмѣстѣ съ младенцемъ. Младенца оторвали у нея отъ груди и ту грудь, которую онъ сосалъ, отрубили! Вслѣдъ за этимъ, на глазахъ у несчастной, проткнули ребенка штыкомъ. Мы ухаживали за ней,

^{*)} Томми Аткинсъ — такъ называютъ британцы солдата. Откуда взялось это имя? Рассказываютъ, что въ XVII вѣкѣ, во время покоренія Индіи, у воротъ одного индусскаго города стоялъ британскій часовой Томми Аткинсъ. Неприятель огромными полчищами наступалъ на городъ. Аткинсу было посланъ приказъ оставить постъ и присоединиться къ отступавшей британскій части. Приказъ не дошелъ во время, и Томми остался на посту, предъ лицомъ неминуемой смерти. Имя героя увѣковѣчено народной молвой. — Первая глава этихъ очерковъ скомпонована по книжкѣ Кильватрика „Tommy Atkins“. Остальные представляютъ собою вполне самостоятельныя главы.

какъ убили, но, рассказавъ намъ о своихъ пенитанціяхъ, она черезъ шесть часовъ умерла" *).

О такомъ же лютомъ малочестивѣ ибмцахъ повѣствуетъ другое письмо, полученное отъ рядового артиллерійской бригады W. Palfrey:

„Ахъ, какіе ужасы я видѣлъ! Эти безбожные, безчеловѣчные зѣбри обезчестили пятнадцатилѣтнюю дѣвочку и прибили ее гвоздями къ стѣнѣ, какъ рапищу, полововавъ ей тѣло пожомъ. Это я видѣлъ своими глазами...“ („Daily News“, 9 дек. 1914).

Мудрено ли, что каждый англійскій солдатъ чувствуетъ себя рыцаремъ, защитникомъ слабыхъ и сиротъ, отомстителей за невинно-поруганныхъ! Въѣдъ каждый изъ нихъ — волонтеръ: добровольно пришелъ изъ-за моря помогать, выручать, защищать! И едъ только слышится воякъ о помощи, они самоабвенно востутъ туда. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ рассказъ раненаго офрейтора Ташора:

„Мы были въ бою весь день и въ вечеру мечтали объ отдыхѣ, когда дошелъ до насъ слухъ, что въ деревушкѣ Дуэ (Douai), въ нѣсколькихъ миляхъ отъ насъ, ибмцы напали на жителей. Въ потемкахъ, по знакомымъ мѣстамъ, кинулись мы тотчасъ туда. Намъ могли окружить каждый мигъ, ибмцы кинуты повсюду, но, конечно, мы думали только о томъ, чтобы спасти женщинъ и дѣтей... Когда мы вошли въ Дуэ, жители



Въ разоренной Польшѣ.
Крестьяно-бѣженцы.



Убитые германцы. Воткнутое въ землю
ружье уже издали указываетъ санитарно-
ному обходу мѣсто нахождения ране-
ныхъ или убитыхъ.

намъ рассказали, что сдѣлали съ ними враги. Они уже успѣли зарѣзать нѣсколькихъ ребятнишекъ и женщинъ. Мы завинтили пистолеты и побѣжали на выручку. Слѣды погрома бросались въ глаза. Заслышавъ о нашемъ прибытіи, ибмцы убѣжали кто куда, а тѣ, что остались въ деревнѣ, попрятались по темнымъ угламъ. Мы обшарили всѣ дома, чердаки, веюду находили враговъ. Многие изъ нихъ сопротивлялись, но многие сдались добровольно.“ (John Adcock, p. 66).

Въ другомъ письмѣ точно также рассказывается, какъ ирландскимъ стрѣлкамъ удалось спасти трехъ женщинъ отъ ибмцевъ. Ирландцы, въ количествѣ восьми челоѣкъ, отправились на ночную развѣдку. Въѣхали въ деревню, видятъ свѣтъ. Заглянули въ окно: полунагие ибмцы сидятъ за полуустыми бутылками; офицеръ взобрался на каминь, а солдаты окружаютъ двухъ дѣвушекъ и какую-то старую женщину.

„Мы поняли ихъ гнусные замыслы, — пишетъ ирландскій развѣдчикъ, — и, во-



Обозъ на привалѣ.

*) „In the firing line“. Stories of the War by the Land and Sea. By A. St. John Adcock. Hodder and Stoughton, London, p.p. 32, 37.



Английский окоп во Фландрии.

дбей, чтобы мы не стреляли в нее". (Adcock, p. 50).

О том же сообщает в а п е р ь Джордж Браун в письме к своему отцу:

„Сердце разрывается при взгляде на французских женщин и детей. Немцы выгоняют их с помощью пистолетов и бомб и гонят пред собою по улицам. Прячась за спиною у женщины, они о с ы п а ю т нас пулями, зная, что отвечать мы не станем“.

„Они нище смерти боятся своих офицеров и ненавидят их, как злую отраву“, — добавляет рядовой Мартин Кинь. В письме батареяного Вильяма Лика высказывается такое же мнение: „Виноваты во всем офицеры. Они морочат своих несчастных солдат, брешут им о немецких победах. Солдаты же — бараны; куда их погонят, туда и бегут“.

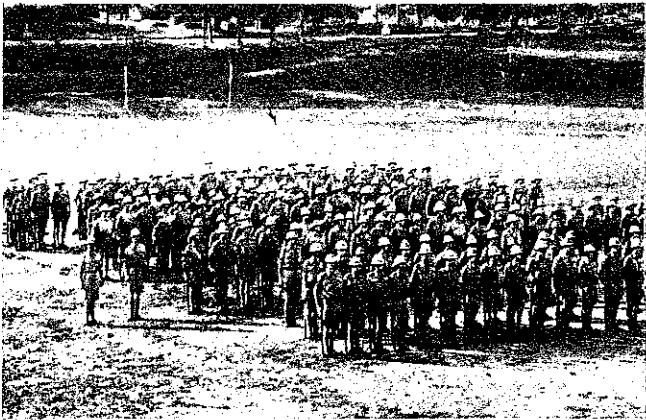
Что особенно возмущает британцев — это безчестные приемы противника. Имг ненавистно, как истым спортсменам, всякое шулерство и мошенничество в той грандиозной игре, которая ведется теперь. Они жаждут открытого и честного боя. Видя они привыкли, чтобы все состязания, будь то Дербн, футбол, или бокс, велись без обмана, открыто. Съ презрбнемъ отзывастя Аткинсъ обь ухищреннхъ враговъ. „Ахъ, сколько среди нихъ негодяевъ! — пишетъ гвардеецъ Ридонъ *). — Какъ-то утромъ нарядились въ английскіе мундиры и кричатъ: „Не стрѣляйте, мы — штабъ!“ А сами какъ пошли въ насъ палить. Ну жъ и получили они сдачи! Цѣлыя тонны свинца!“

О такой же низкопробной „стратегии“ немцев сообщает лейтенантъ Освальд Эннъ в письмах к своему отцу:

„Немцы пробрались к намъ во французских мундирахъ и говорят, что имг крайне нужно поговорить съ офицеромъ. Къ нимъ вышетъ майоръ девонширской бригады, умбвншй говорить по-французски. А они его — хлопъ, наповалъ!“

В том же письме мы читаемъ: „Немцы нарядились въ английскую форму, разбѣстались неподалеку отъ насъ, въ той же улицѣ, и, установивъ на окнахъ пулеметы, стали обсыпая насъ шрапнелью“. (John Adcock, p. p. 1 33—134).

Очевидно, эта шулерская стратегия вошла в нравы германских воителей, ибо безконечное множество писемъ упоминаетъ о пей.



На помощь метрополи. Цейлонскія войска, вступившія въ ряды английской арміи, сражающейся во Франціи.

„Немцы попрежнему жульничают, — пишет батареяный Вильямъ Кларфъ. — Вчера ночью подбѣжали къ французским окопамъ и кричатъ, что они англичане, изъ нашего кольдстримскаго полка. Но французы узнали немецкій акцентъ и не пожалѣли патроновъ“.

Английскіе солдаты повторяютъ съ великолбной гордостью, что сами они никогда не увидятся до подобныхъ безчестныхъ приемовъ. Здѣсь столкновение двухъ нравственныхъ принциповъ, двухъ національныхъ моралей. Коварство, предательство, всякіе задне умыслы чужды британской душѣ. The honesty is the best policy, — такова британская народная мудрость. Нитя въ Европѣ не смотрятъ на лжеца съ такимъ омерзбнемъ, какъ въ Англїи. Школьникъ, который солжетъ, хотя бы въ пустякѣ, хотя бы въ шутку, бойкотируется своими товарищами. Культъ правдивости — основная черта національнаго воспитанія въ Англїи. Свободнымъ и сильнымъ душамъ противны уловки, подвохи и козни.

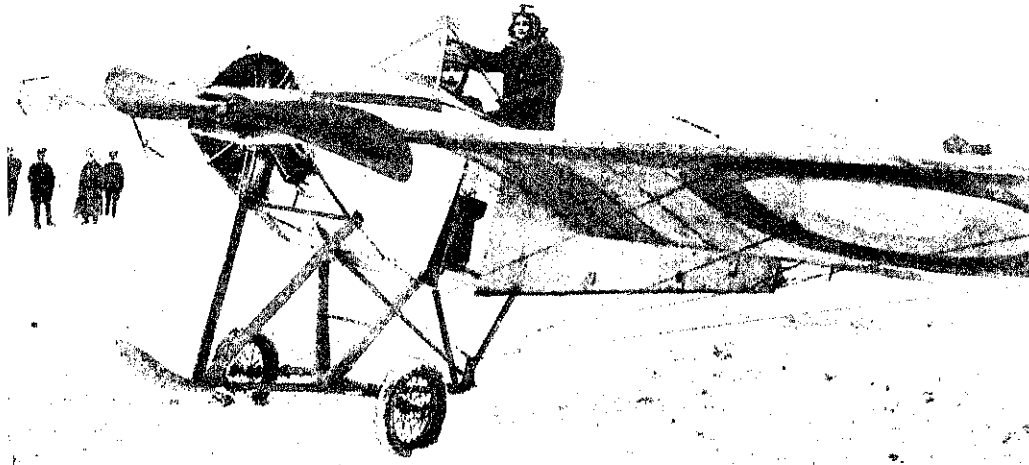
Немцы потеряли мое уваженіе навѣки, — сокрушается лейтенантъ О. Эджкомъ. — У нихъ никакого кодекса чести“.

Это чувство разделяется всеми. Англія хотѣла бы сражаться съ противникомъ, болѣе достойнымъ ея. Ей грустно, что она не можетъ его уважать. Рыцарю для поединка нуженъ рыцарь. Какъ возмущается капитанъ Леонардъ, что германцы въ своихъ амбулаторныхъ повозкахъ, украшенныхъ краснымъ крестомъ, перевозятъ пулеметы и ружья. „Вы



На помощь метрополи. Австраліискія войска (изъ Новой Зеландїи).

*) „Stories of the War“, by A. St. John Adcock, p. p. 30, 116, 139, 154.



Наши военные летчики.
Передъ отлетомъ на развѣду.

только подумайте, мамани! Этого не сдѣлали бы и пегры!" — восклицаетъ онъ въ письмѣ къ своей матери. Ему положительно стыдно за нихъ. Гдѣ же у этихъ людей благородство! Выкидываютъ бѣлые флаги, кричатъ, что сдаются, просятъ пощадить, не стрѣлять, а когда бритавцы, повернувъ ихъ бѣлому флагу, приближаются, чтобы взять ихъ въ плѣны, они внезапно открываютъ огонь и предательски убиваютъ добѣлчивыхъ! „Я былъ раненъ. Немцы нанесли мени въ плечо. Сражаться я не могъ, пришлось сдаться. Я закричалъ, что сдаюсь, и вручилъ имъ мой револьверъ. А они изъ моего же револьвера неожиданно — били въ меня! Подумали, что я убить, и ушли.“ Это рассказываетъ въ письмѣ капитана Роффи („Atkins at War“, by Kilpatrick, p. 107), и, къ сожа-



На позиціяхъ.
Полевая батарея открыла огонь.
По фот. нашего корреспондента.



Наши военные летчики. Послѣ развѣдки разсматриваютъ по картѣ непріятельскія позиціи.

лѣннѣ, такіе рассказы стали уже трафаретными. Въ самомъ разгарѣ боя вдругъ слышится сигналъ „отступать!“ Англичане отступаютъ, прекращаютъ стрѣльбу, и лишь потомъ узнаютъ, что были обмануты немцами: сигналъ исходилъ отъ нихъ. Ихъ трубачи имитировали звуки британской трубы!

Все это для бритавцевъ спорно. „Кто бы могъ такъ далеко подуматъ!“ — повторяютъ они въ тысячѣ писемъ. Зато, какъ они некриво рады, когда изъ случается истребить въ противней хоть одно благородствъ и мужество. Сказать о врагѣ „молодецъ!“ они не считаютъ зазорнымъ. Матросы, совершившіе знаменитый набѣгъ на Гельголандскую бухту,

отмѣчаютъ съ похвалой каждый смѣлѣй поступокъ германцевъ. Мужество, героизмъ, отвага обладаютъ въ глазахъ англичанъ особой эстетической прелестью. Кто бы эти качества ни обнаружилъ, другъ или недругъ, чужой или свой, — англичане одинаково восхищаются ими. Замечивать доблестныя дѣянія врага они считали бы величайшимъ позоромъ. Есть что-то величавое въ той откровенности и смѣлой безкорыстной примеси, съ которой бритавцы во всеулышаніе хвалятъ малѣйшія достоинства германцевъ.

„Они были молодцами, ой-Вогу, и дрались до послѣдней минуты“, — пишетъ о германскихъ матросахъ британскій матросъ Джонъ Диггеръ. („In the firing line“, p. 101).

„Немцы молодцы, дрались отлично!“ — восклицаетъ мичманъ Гартей. (Тамъ же, стр. 94).

„Ну жъ и дисциплина у нихъ! — пишетъ кавалеристъ Э. Тетволль. — Надаютъ, какъ статуи, и все же ни съ мѣста. Приказано стоять, они стоятъ.“

Съ той же откровенной прямоотой англичане неуклюже приветствуютъ всякое проявленіе гуманности, замѣченное ими у врага. Членъ парла-



Чересы на бивуаках.

мента лейтенантъ Обри Гербертъ, побывавшій въ нѣмецкомъ плѣну и пролежавшій 11 дней въ нѣмецкомъ полевомъ лазаретѣ, пишетъ своимъ роднымъ въ Сомерсетъ:

„По совѣти долженъ сказать, что, какъ пруссаки, такъ равно и баварцы, все, безъ различія чина, относились къ намъ хорошо и сердечно“. („Daily News“, 17 окт. 1914).

Лейтенантъ Р. Р. Эрвинъ говоритъ то же самое. Его письмо напечатано въ книжкѣ г. Кильватрика, „Томми Аткинсъ на полѣ сраженія“, вышедшей осенью 1914 г. въ Лондонѣ. Въ той же книжкѣ приводится такое свидѣтельство одного капитана-ирландца:

„И за крѣпкимъ не лучше ухаживаютъ, чѣмъ ухаживали нѣмцы за мною, никогда я не лежалъ въ ихъ госпиталѣ“ (стр. 108).

Слѣдуетъ однако отмѣнить, что такое прекрасное обхожденіе съ плѣнными распространяется далеко не на всѣхъ. О немъ болѣе всего повѣствуютъ лейтенанты, капитаны, помковники. Нижніе чины британской арміи рассказываютъ совершенно другое, хотя и они не склонны огульно обвинять всѣхъ германцевъ. „Попадаются и нѣмцы хорошие, — наставляетъ гвардеецъ Рирдонъ. — Какъ-то ночью они намъ кричатъ: „Гвардейцы, подберите нашихъ раненыхъ!“ Мы пошли подбирать, а они — хоть бы выстрѣли! Это очень благородно, но правда ли?“

О такомъ же благородномъ поступкѣ врага рассказываетъ въ одной изъ своихъ телеграммъ британскій главнокомандующій сэръ Джонъ Френчъ. Въ самомъ началѣ войны одинъ изъ англійскихъ отрядовъ, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ и все же отказавшійся сдаться, былъ весь немилосердно истребленъ; уцѣлѣли только двое, и то раненые. Они должны были бросить оружіе, но нѣмецкій офицеръ, изъ уваженія къ героямъ, не только оставилъ оружіе при нихъ, но и попросилъ позволенія пожать у одного изъ нихъ руку.

Британцы живо почувствовали всю красоту этой сцены. Множество англійскихъ художниковъ запечатлѣли ее. Она стала одной изъ самыхъ популярныхъ военныхъ картинъ во всей Англій. Поле усеяно трупами. Раненый англійскій офицеръ беспомощно простертъ на носилкахъ; къ нему порывисто подходитъ тевтонъ и, къ изумленію всѣхъ, почтительно жметъ ему руку! Ничего, что этотъ тевтонъ есть тевтонъ, англичане рады признать его доблесть, рады громко прославить его, хотя, конечно, этому единичному проявленію рыцарства не изгладить въ ихъ умахъ никогда всего позорнаго, мучительно-



На передовыхъ позиціяхъ. Отдыхъ послѣ боя.

Изъ дѣйствующей арміи. По фот. нашего корреспондента.

страшнаго, что они узнали о нѣмцахъ. Напротивъ, одинъ благородный поступокъ лишь отмѣняетъ неблагородство другихъ... Точно также не желаютъ англичане замалчивать чисто-механическую силу противника. Они открыто воехваляютъ ее. Ихъ письма перестраиваются выраженіями:

„Нѣмецкіе прожекторы — прелесть...“

„Транспортъ у этихъ чертей — замѣчательный...“

„Ихъ артиллерія — чудо...“

Томми Аткинсъ побужден силой, которая направлена противъ него. Пусть эти пушки сулятъ ему смерть, но, если онъ хорошъ, онъ не откажетъ имъ въ спсень одобренія. Хотя, вообще говоря, Томми далеко не въ восторгѣ отъ нѣмецкой военной системы. Онъ находитъ въ ней много изъяновъ. „Нѣмцы наваливаются такой густой оравой, что, куда ни стрѣлай, все равно попадешь, — пишетъ онъ о приемахъ нѣмецкой атаки. —

Ихъ гонять, какъ барановъ на убой. Трудно не попасть въ эту гущу людей. Любая баба могла бы попасть“ и т. д.

Всѣ письма въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ, что противникъ не умѣетъ стрѣлять. Въ качествѣ спортсмена, британецъ привыкъ уважать мѣткихъ и ловкихъ стрѣлковъ. Множество виртуозовъ стрѣльбы находятъ теперь въ англійской арміи. Какъ бѣдо они издѣваются надъ нѣмецкими стрѣлками!

„Артиллерія у нихъ хороша, но ружейная стрѣльба — просто смѣхъ, — пишетъ рядовой J. R. Tail, высказывая общее мнѣніе. — Нѣмецъ съ винтовкой — оселъ: онъ не попадетъ и въ стогъ сѣна!“

„Сиди въ окопахъ, мы съ Биллемъ обсудили нѣмецкую армію и пришли къ заключенію, что вся она — дрянь“ (rotten), — пишетъ одинъ рѣшительный юноша. Точно также всѣ письма единодушно свидѣтельствуютъ, что нѣмцы „боятся штыка“.

Но, конечно, не эти сужденія интересуютъ насъ болѣе всего въ письмахъ англійскихъ солдатъ. Мы приводимъ ихъ лишь мимоходомъ. Намъ дороги не они, а та массовая психологія, тотъ духъ, который въ этихъ письмахъ вскрывается.

IV. Солдатскія письма. — Набѣгъ на Гельголандскую бухту.

Эти солдатскія письма собраны въ двухъ англійскихъ книжкахъ, которыя сейчасъ предо мною. Одна называется „Аткинсъ на полѣ сраженія“, другая — „Въ боевомъ огнѣ“, и обѣ чрезвычайно картинно, живописно, пластически изображаютъ британ-

ских солдат. Первую составили Джозеф Килпатрик, вторую — Джон Эджкоп.

Книжки драгоцены, — особенно для русских читателей. Пора нам ближе познакомиться с Аткинсом. Французского солдата мы знаем, его героический образ, запечатленный в Наполеоновском эпосе, стал уже литературным шаблоном. Плотный правдивый облик русского «рядового Ипанова» тоже был не раз прославлен в созданных нашей словесности. Не даром склонился перед ним наш национальный мудрец Лев Толстой, утробный в нем носитель народной стихии, народной воли и правды. Но что мы знаем о британском солдате? Его душа сокрыта от нас. Он — наш соратник, подвижник, мы связаны с ним узами крови, и все же он для нас — незнакомец.



Наши союзники. Королевский смотр новой бельгийской армии во Фландрии.

Этого не случилось бы, если бы русское общество было ближе, короче, шире знакомо с тем самообычным созданием, которого зовут Томми Аткинсом.

О Томми написано много романов, баллад, повестей, но даже лучшие из них, — «Три солдата» и «Казарменный вбей» Р. Килпатрика, — досель не дождалось перевода на русский язык.

Впрочем, по поводу ни повестей ни романов. У нас, как мы видели, есть другой, более ясный и точный: подлинный вбей Томми Аткинса. Я читаю эти вбей с восторгом, они для меня — открытие. Этих вбей — туча, легион. Ибей, кажется, британского солдата, сражающегося публично с германцами, который не посылал бы домой хоть коротенькой бумажки записки. Если бы все это собрать и издать, потребовались бы сотни томов, которые на вбей вбей могли бы составить величайшую славу Британии, ибо нигде так полно и свободно не оказалась во всей красоте ее национальная сущность. Ты книжки, о которых и сейчас говорил, конечно, не могут исчерпать и тысячной доли всех вбей. Они меня так увлекли, что после них я стал жадно прочитывать те вбей английских солдат и матросов, которые мне попадались в газетах: «Daily News», «Daily Chronicle», «Times», и теперь считаю своею обязанностью по-



Наши союзники. Английские войска, прибывшие во Францию.

Мы и рады бы его полюбить, но нельзя же любить незнакомого. Пользуясь нашим невежеством, какие-то темные люди уже стремятся очернить англичан перед нами, внушить нам недоверие к ним, поколебать в самом начале нашу дружбу, так что британский посол в Петроград был вынужден в своей памятной речи публично разоблачить эти проделки и напомнить нам о жертвах и подвигах, совершаемых ныне британцами^{*)}.

*) Вот отрывок из этой речи, произнесенной сэром Джорджем Бьюкененом на новогоднем банкете английской колонии в Петроград: «В настоящее время война вступает уже в шестой месяц, и мы, англичане, имеем все причины гордиться той ролью, которую сыграли в ней наша страна. Тем не менее небольшая и не имевшая влияния часть населения России, по видимому, держится другой точки зрения в отношении того, что связано нами. Еще недавно различные стороны имевшей пренебрежительный крестовый поход против Англии, и небольшая группа их представителей прилагала все усилия к тому, чтобы посеять разлад между Россией и ее союзниками... Гдѣ британский флот и что делает британская армия? спрашивали эти господа в Петроградѣ, в Москвѣ и в Одессѣ. Я скажу имъ, что слышно британским флотомъ, и т. д. Русские газеты единодушно приветствовали это выступление британского посла. «Эта блестящая речь имеет красноречивый отпоръ темъ подпольнымъ клеветникамъ, которые пытаются умалить значение громадныхъ усилий Англии въ великой борьбѣ съ германскими державами и вселить недоверіе къ искренности британской политики», — говорятъ по этому поводу «Русское Слово».

знакомить с ними русское общество. Вот, например, письмо матроса Альфреда Винтона, участвовавшего в набѣгѣ британцевъ на Гельголандскую бухту:

«Во время всего боя наш милый котенок сидѣлъ подъ



Наши союзники. Обучение новой английской армии. Тренировка на снегу Гайдъ-парка въ Лондонѣ.



Английская армия. Стрѣлки.

самымъ переднимъ орудіемъ и не боялся нисколько. Только первый выстрѣлъ напугалъ его чуточку, а потомъ онъ все сидѣлъ и унывался. Передъ началомъ пальбы мы волновались порядочно, но тотчасъ же послѣ перваго выстрѣла стали очень веселы и все время смѣялись, пока не кончился бой. Тогда стали плакать и всхлипывать. Если меня убьютъ, не волнуйтесь: смерть не такая страшная вещь, какъ я думалъ. Все вчера было быстро, какъ молнія“.

Письмо классическое, написанное съ такимъ лаконизмомъ, который бываетъ присущъ лишь очень сильнымъ, простодушнымъ натурамъ. Въ немъ истинно-героическій стиль. И при

этомъ—дѣтская ясность души, свойственная однимъ морякамъ. Жаль, что въ газетахъ печатается такъ мало матросскихъ писемъ. Тѣ, что приводятся въ книжкѣ Эдкока, составляютъ лучшее ея украшеніе. Вотъ письмо съ военнаго судна „Валханка“, посланное матросомъ Вильсономъ своей женѣ:

„Ты скоро прочитаешь въ газетахъ о нашей побѣдѣ на Сѣверномъ морѣ. Побѣда — первый сортъ, превосходная! Я только о томъ и мечтаю, чтобы весь неприятельскій флотъ вышелъ сразиться съ нами. Тогда бы мы скоро вернулись домой. Стрѣляютъ они дряно, а наши—безъ промаху. Оттого-то проклятые спрятались, боятся, и носу не высунуть. Пришлось намъ выкуривать ихъ изъ норы. Все ихъ море усыяно минами; наткнувшись на мину—капуть! Командиръ истребителя „Liberty“ вызвалъ изъ своей



Английская армия.
Офицеръ и барабанщикъ.



Английская армия во Франціи.
Мэръ и представители города и арміи приветствуютъ английскихъ офицеровъ.

команды охотниковъ: не согласится ли кто вмѣстѣ съ нами пробраться въ самую Кильскую гавань, въ гости къ нѣмцу,—и каждый отвѣтилъ: „согласенъ!“, хотя это сулило имъ вѣрную смерть. И они таки-пробрались туда, къ самымъ Гельголандскимъ фортамъ, и продырявили нѣсколько крейсеровъ. Нѣмецъ выпустилъ въ нихъ такую гибель снарядовъ, что могъ бы потопить цѣлый флотъ; и такъ какъ у нихъ запасы подходили къ концу, то поневолѣ пришлось уходить. Они уже повернули назадъ, вдругъ налетаетъ шрапнель, сбиваетъ мачту, убиваетъ капитана командира и трехъ членовъ изъ команды. Штурманъ, хоть и раненый, принимаетъ на себя управление судномъ и благополучно выводитъ его изъ опасности. Мы молили Бога, чтобы даровалъ намъ побѣду, мы побѣдимъ непременно, ибо въ нашемъ флотѣ у каждого Джэка воинству львиное сердце!“

Такихъ писемъ предомно десяти. Все они посвящены одному эпизоду,—набѣгу на Гельголандскую бухту. Чтѣ мы слышали объ этомъ набѣгѣ? Почти ничего, двѣ-три фразы. Официальныя сухія слова, лишеныя красокъ и образовъ: такого-то августа такого-то суда англичанъ пробрались съ безоглядной смѣлостью къ самой неприятельской гавани и послѣ жестокаго боя одержали побѣду надъ нѣмцами. А тутъ

намъ дается возможность увидеть лицом къ лицу самих участников этого подвига, услышать изъ ихъ устъ все подробности и, главное, ощутить непосредственно ту нравственную атмосферу, тотъ духъ, который и даетъ имъ возможность совершить это безпримѣрное дѣло.

Вотъ письмо съ одного броненосца:
„Наконецъ-то добрались мы до нѣмцевъ. Дѣло было жаркое, ей-Богу: семь часовъ длился бой! Выстрѣлы за выстрѣлами, выстрѣлы за выстрѣлами. Мнѣ было очень приятно глядѣть, какъ четыре нѣмецкихъ судна другъ за дружкой погружались на дно. Каждую секунду могъ прийти нашъ чередъ: снаряды такъ и летали вокругъ... Но все наши были очень спокойны: словно это не война, а маневры, смѣлились, шутили, остряли, думали лишь объ одномъ: насолить бы нѣмцу получше. И насолить отлично! По слухамъ, враги потеряли около 1.500 человекъ. Не постигаю, какъ это намъ удалось ускользнуть: не только съ крейсерами, но и съ гельголандскихъ фортами ихъ выстрѣлы достигали до насъ. Скоро ли выдаться случай дать имъ новую трепку опять?“

Характерна эта жажда британскихъ матросовъ добраться поскорѣе до врага. — „Гдѣ же ихъ главный флотъ? — спрашиваетъ одинъ изъ вискаскетовъ. — Хоронится въ Кильскомъ порту; по стѣнѣ ему выйти оттуда, онъ уже не вернется назадъ!“ (стр. 98).

Джонъ Диггетъ, матросъ, лишь о томъ и твердитъ:
„Когда же ихъ флотъ сонно зовутъ къ намъ выйти? Мы ждемъ, а онъ все не выходитъ. Пусть только высунетъ носъ. Достанется же ему на орѣхи!“

Эта жалоба—неизбѣжный рефренъ чуть не каждого матросскаго письма.

„Ну что же, подождемъ, ничего! Старый Пельсонъ выжидалъ цѣлый годъ и дождался-таки французскаго флота“. — угѣшаетъ себя юнга Брюсъ въ письмѣ къ своему отцу. („Daily News“, 21 дек.).

Когда же наконецъ эти люди дорвутся до боя, они не помнятъ себя отъ азарта. „Нашему офицеру оторвало обѣ ноги, а онъ — никакого вниманія; кричитъ какъ ни въ чемъ не бывало: бой ихъ, ребята, пали!“ — рассказываетъ тотъ же Джонъ Диггетъ.

Даже скромный пароходный телеграфистъ Вирнъ Франкисъ, и тотъ чувствуетъ воинственный пылъ. „Наконецъ-то мы поухаживали пороку, — радостно сообщаетъ онъ. — Отлично. Я очень доволенъ. Иду не дожидаясь повторенія!“ (стр. 108—109).

Все они буквально захлебываются, описывая этотъ доразъ набѣгъ. „Довко же мы налетѣли на нѣмцевъ! Наше судно не пострадало нисколько, хоть они и палили въ него. Здорово раздѣлался нашъ „Лайонъ“ съ ихъ крейсерами! Весело было смотреть! Тотъ все палилъ и палилъ, а „Лайонъ“ — ни единого выстрѣла. Минутъ десять тратилъ нѣмецъ заряды, а „Лайонъ“ только скомацковалъ: пла! — и отъ нѣмца ничего не осталось. Прикончили съ перваго выстрѣла. Когда разсѣялся пучечный дымъ, увидѣли: крейсеръ уже на боку, задняя труба покачнулась, и вдоль всего борта зияетъ огромная трещина!“ (стр. 106—107).

Такого же ныла исполнено письмо бомбардира Т. Уайта:

„Тратилъ выстрѣловъ намъ не пришлось. Одно ихъ суденышко мы прикончили съ перваго разу. Мѣткій выстрѣлъ, не правда ли? Ну жъ и заманчивалъ тотъ молодецъ, которому удалось это сдѣлать. Теперь онъ первая персона на всемъ суднѣ. Нѣмцы, кажется, и сами увидѣли, что десять ихъ выстрѣловъ не сравняются съ нашимъ однимъ. Такъ что, кажется, нашимъ ребятамъ и пострѣлять не придется. Первый же закончить все дѣло, а остальные — сиди, сложа руки. Этакъ мы побываемъ въ десяткѣ сраженій, и лишь немногимъ счастливицамъ удастся направить орудіе въ нѣмца!“ (стр. 109).

Если бы не этотъ бравадный, мажорный, лихой, самонадѣянный духъ, взлелѣанный многолѣтними традиціями, — какъ могли бы эти люди столь просто и весело выполнять свой упомогаемый подвигъ! Видъ главное не въ отдѣльных бояхъ, а въ рутинной, повседневной-будничной жизни, среди ежеминутныхъ смертей на этой стальной скорлупѣ, которая въ каждый моментъ можетъ взорваться на воздухъ!

Эта рутинная страшнѣе всего, страшнѣе всякихъ боевъ и набѣговъ; вотъ какими мрачными красками изображаетъ ее одинъ морской офицеръ, плавающий теперь въ Сѣверномъ морѣ:

„Ночью дуетъ отчаянный вѣтеръ, холодный, какъ ледъ. На

дѣкъ черно: огнемъ ибтъ. Каждый матросъ — у орудія. Никто не знаетъ, что случится сейчасъ: можетъ-быть — мина, можетъ-быть — подводная лодка, можетъ-быть — неприятельскій крейсеръ. А волны окатываютъ тебя съ головой, чтобы ты не заснулъ ни на мигъ, и безпрестанно заливаютъ тебѣ за воротъ нѣсколько стакановъ ледяно-холодной воды. Въ сутки опишь три-четыре часа и только одному поражаешься: какъ легко и безропотно выносятся наши люди эту каторгу“. („Daily News“, 12 дек. 1914).

Нуженъ вонетни героическій духъ, чтобы въ теченіе мѣсяцевъ подвергаться такимъ испытаніямъ. Мудрено ли, что этотъ офицеръ восклицаетъ:

„Что же нѣмцы, какъ бабы, все прячутся! Вышли бы и дали намъ бой!“

Но именно въ такихъ испытаніяхъ, сказывается закаленная воля британцевъ. „Подождимъ флотилію Вильгельма, мы стараемся веселиться во-всю. Случается, вечерами задаемъ такіе концерты, что любо!“ — пишетъ штурманъ броненосца „Тэльботъ“.

А какъ величаво умѣютъ они умирать!.. Потопленный нѣмцами крейсеръ „Монмаутъ“ передъ тѣмъ, какъ погрузиться на дно, сигнализируетъ другому броненосцу: „Я тону, мои машины разбиты, въ носу огромная течь, но все же я иду на врага и попробую послать въ него мина“.

Это было его послѣднее слово. Въ тотъ же мигъ онъ скрылся подъ водой.

„Мы все прослезились, ей-Богу, когда капитанъ прочиталъ намъ этотъ предсмертный сигналъ“, — пишетъ морской офицеръ, наблюдавшій величавую гибель „Монмаута“. („Daily News“, 21 дек. 1914).

Это какая-то особая порода людей! Въ той же газетѣ мельчайшимъ шрифтомъ, гдѣ-то на задворкахъ, какъ нѣчто весьма обыкновенное, напечатано такое письмо:

„Мы сопровождали первую партію войскъ, отправляемыхъ изъ Канады въ Англію. Среди океана одинъ изъ подштурмановъ свалился за бортъ и началъ тонуть. Нашъ командиръ лейтенантъ Барнесъ увидѣлъ его паденіе и, невзирая на бурю, немедленно кинулся въ море. Подштурмана спасти не удалось, но каковъ нашъ лейтенантъ! Молодецъ!“ (12 дек. 1914).

Какъ мы уже видѣли, английскіе матросы и солдаты, съ прямодушнѣе смѣлыхъ людей, не боятся громко привѣтствовать всякій смѣлый поступокъ врага. Описывая Гельголандскую битву, они неоднократно отмѣчаютъ, что „есть и среди нѣмцевъ герои“. Особенно поправилось имъ, что иные изъ нѣмецкихъ судовъ, погружаясь на дно, не желали опускать свои флаги и палили до послѣдней возможности, не проси о пощады. Но и здѣсь ихъ нравственное чувство было не разъ возмущаемо „грязными предметами“ (dirty tricks) нѣмцевъ. Ихъ письма единодушно свидетельствуютъ, что нѣмцы открывали огонь по ихъ спасательнымъ лодкамъ, не исключая тѣхъ случаевъ, когда эти лодки спасали именно тонущихъ нѣмцевъ. Одинъ нидерландецъ съ возмущеніемъ рассказываетъ:

„Нѣмцы вѣдь добрались къ нашимъ крейсерамъ и на ломаномъ английскомъ языкѣ просили подобраться къ борту. Страшно было видѣть окровавленныхъ раненыхъ, барахтающихся въ водѣ, и мы, бросивъ имъ наши спасательные пояса и протянувъ имъ веревки, спустили къ нимъ нѣсколько лодокъ. Съ другихъ нашихъ судовъ имъ на помощь тоже были спущены шлюпки. Вдругъ, ни съ того ни съ сего, большой четырехтрубный неприятельскій крейсеръ начинаетъ палить въ эти лодочки изъ одиннадцатидюймовыхъ орудій — сразу изъ семи или восьми!“ (стр. 95).

„Задали же мы имъ перцу за это!“ — восклицаетъ другой матросъ, рассказавъ о такомъ же вѣроломномъ поступкѣ германцевъ. Третій выражается такъ: „Я думаю, два ихъ суденышка носились бы по волнамъ и поныли, но такъ какъ они открыли огонь по нашимъ спасательнымъ шлюпкамъ, когда мы подбирали ихъ же раненыхъ, то мы отправили ихъ въ тартарары!“ (стр. 106).

Какъ бы ни были случайны и скудны эти мимолетные отрывки изъ писемъ, я увѣренъ, они гораздо ярче и жизненнѣе изображаютъ предъ нами самую сущность событий, чѣмъ талантливѣйшіе очерки опытныхъ газетныхъ корреспондентовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разсрочки подписной платы за „Ниву“ сего 1915 г., къ 1 апрѣля слѣдовало внести **не менѣе 4 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **немедленною присылкою** слѣдующаго взноса, во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала со 2-го мая — **съ 18-го номера.** Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копію печатнаго адреса** съ бандажолы или **прилагать самый адресъ** и **непремѣнно указать,** что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **28 коп.** и **печатный адресъ.**

Англичане.

Очерки К. Чуковского.

(Окончание).

V. Битва подь Монсомь.

— Развѣ это войны, это спортсмены! Имъ бы въ футболъ играть да на скачкахъ скакать, куда же имъ сражаться съ Германіей!—повторяла о британцахъ нѣмецкая пресса. — Къ тому же они наняты: получаютъ поденную плату, а какое же геройство у поденника!

Это говорилось въ то время, когда битвы подь Монсомь, на Маріѣ, на Энѣ уже изумили весь міръ!

Стоитъ перечитать хоть небрежно тѣ потрясающе-любопытныя письма, которыя пришли изъ-подь Менса отъ уцѣлѣвшихъ британскихъ солдатъ, чтобы преклониться почтительно предъ этими „презрѣнными футбольщиками“, сыгравшими свою роковую предсмертную партію съ такимъ героическимъ пафосомъ.

Битва подь Монсомь есть первая битва, въ которой приняли участіе британцы. Еще вчера эти нарядные воины въ щеголеватыхъ тужурочкахъ, въ комфортабельной изящной амуници, красовались предъ взорами восхищенныхъ французенокъ, которыя шумно и радостно приветствовали ихъ по пути, а сегодня они очутились въ аду. Вчера были ласки, улыбки, восторги, цветы, а сегодня внезапно, какъ миллионы взбѣшенныхъ быковъ, налетѣли на нихъ тевтонскія полчища, только-что растоптавшія Льежъ. Щеголеватые юноши въ изящныхъ тужурочкахъ, — ихъ было такъ мало, ничтожная горсть, а этому стаду взбѣшенныхъ быковъ не видно ни конца ни начала.

„И откуда они только брались! Слово изъ земли вырастали!“

„Гдѣ упадетъ одинъ, тамъ появляется сотня!“

„Казалось, безъ всякихъ снарядовъ и пуль они затоп-



Бивуакъ „на сторожевѣ“



Передъ отправленіемъ въ караулъ. Солдаты берутъ съ собою дрова, чтобы вскипятить воду.



Первая перевязка на полѣ сраженія.

чуть насъ однимъ сапожниками!“

Эти возгласы на тысячу разныхъ ладовъ варьруются въ каждомъ письмѣ. Впечатлѣніе неотвратимой громады, которая вотъ-вотъ обрушится, уничтожить, раздавить, пережить все до единого. И съ чѣмъ только ни сравнивается эта громада въ письмахъ британскихъ солдатъ!

„Нѣмцы накинута на насъ, какъ лавина, какъ снѣжный обвалъ въ горахъ... Какъ громадная туча безъ конца, безъ начала... Какъ осенній рой... Какъ горохъ изъ мѣшка...“ Этими стереотипными фразами, повторяющимися въ каждомъ письмѣ, пытаются Джонсы и Джонсоны передать свое впечатлѣніе отъ встрѣчи съ несметными германскими сонмищами.

Это былъ лишь первый отрядъ англичанъ, остальные гдѣ-то задержались, замѣшканы.

Гибель была неминуема. Маленькой ли кучкѣ футбольщиковъ задержать взбѣлѣвшихъ буйволовъ! Лучше бѣжать, или сдаться, а не то сотрутъ въ порошокъ! Но футбольщики не повели даже бровью, не вынули изо рта своихъ трубочекъ и грудью встрѣтили налетающую смерть.

А смерть налетѣла безумная:

„Сказать вамъ, что стало съ моимъ полкомъ: на перекличку отозвалось только трое: я да еще двое раненыхъ“, — сообщаетъ Коксъ, рядовой.

„У насъ изъ 1.009 человекъ уцѣлѣло лишь 106 рядовыхъ да 3 офицера. Итого мы потеряли 900 человекъ“, — пишетъ кавалеристъ Аткинсонъ, и такія страшныя цифры — почти въ каждомъ тогдашнемъ письмѣ.

„Когда мы вступали въ траншею, насъ было 1.200, а когда мы покидали траншею, насъ осталось всего 60“, — сообщаетъ своимъ роднымъ рядовой В. Бокъ.

Тридцать пять, пятьдесятъ, восемьдесятъ, девяносто процентовъ погибло англичанъ въ два-три дня. Но они стояли въ этомъ аду, какъ желѣзные, не теряя ни на мигъ хладнокровія, методически-спокойно пострѣливая, словно и не замѣчая того урагана, который опрокинуть и смять все вокругъ, — словно это не кровавая схватка съ обезумѣвшимъ отъ ярости врагомъ, а мирное состязаніе въ стрѣльбѣ гдѣ-нибудь на ярмаркѣ, въ тирѣ, изъ-за грошевого приза. Этотъ флегматичный героизмъ британцевъ удивилъ и очаровалъ ихъ союзниковъ. По словамъ французскаго Душена (M. Duchene), служившаго въ Верденскомъ гарнизонѣ, французы безъ конца повторяли: „Quels soldats! Ils sont magnifiques! Ils sont superbes!“

«Словно это пикник, а не бой! — пишет другой француз. — Мне казалось, что они улыбаются. Даже папироски не бросать. Поразительно их sang-froid под бешеным ливнем пуль».

Французы никогда не видали такой сверхчеловеческой стойкости.

«Все они герои — до единого. — пишет французский сержант. — И врачи у них герои, и офицеры герои, и нижние чины — до единого! Жаль только, что их было так мало в ту пору».

Сознание, что их было меньше, чем нужно, очень огорчает британцев. Нет письма, где бы не упоминалось об этом.

«Нмцев было двести пятьдесят тысяч, не меньше, а нас всего пятьдесят!» — читаем в одном письме.

«Одному против семи или восьми не легко!» — читаем в другом письме.

«Нмцы кинулись на нас цѣлой ордой: сто против одного!» — пишет сарьер Джордж Брайт.

Сто против одного — это, конечно, гипербола, вольно, впрочем, понятная при таких обстоятельствах, но десять против одного — близко к истине. Немудрено, что весь бой был отмечен множеством драматических сцен. «Я видел, как двое наших, окруженные нмцами, выбавшими их из сѣда, прислонились друг к другу спиной и, обнажив шпаги, изрубили девять или десять врагов: по-



На позиціях. Батарейные резервы.



На позиціях. Въ резервѣ. Временная конюшня.

томъ увидали мимобѣгущую лошадь безъ всадника, оба раза вскакивали на нее и усаkali», — рассказывает кохдстримскій гвардеецъ Уитнеръ. Только такіа вдохновенія удачи, отваги, находчивости могли спасти эту кучку людей, окруженныхъ разсвирѣпѣлыми «ббшами».

Самоотверженность они проявили огромную. Вотъ весьма типичный эпизодъ, рассказанный солдатомъ-чеширцемъ: «Одинъ изъ нашихъ сержантовъ упалъ. Къ нему кидается нашъ капитанъ и хочетъ его поднять. Пуля попадаетъ ему въ ногу. Онъ тоже падаетъ, рядомъ съ сержантомъ, и мы думаемъ: кончено! Но онъ ползетъ и волочитъ за собою сержанта. Наши бросаются ему на помощь. Вы бы взглянули его ногу, когда онъ снялъ свой сапогъ! Вдребезги раздроблена, исковеркана!»

Это традиція у британскихъ офицеровъ — спасать своихъ солдатъ, рискуя жизнью. Командующій англійской эскадрой сэръ Джонъ Джеллико, какъ извѣстно, не разъ бросался съ корабля въ океанъ, чтобы спасти тонущаго матроса.

Въ битвѣ при Монсѣ, къ довершению ужаса, батареи британцевъ не всюду могли имѣть слу-

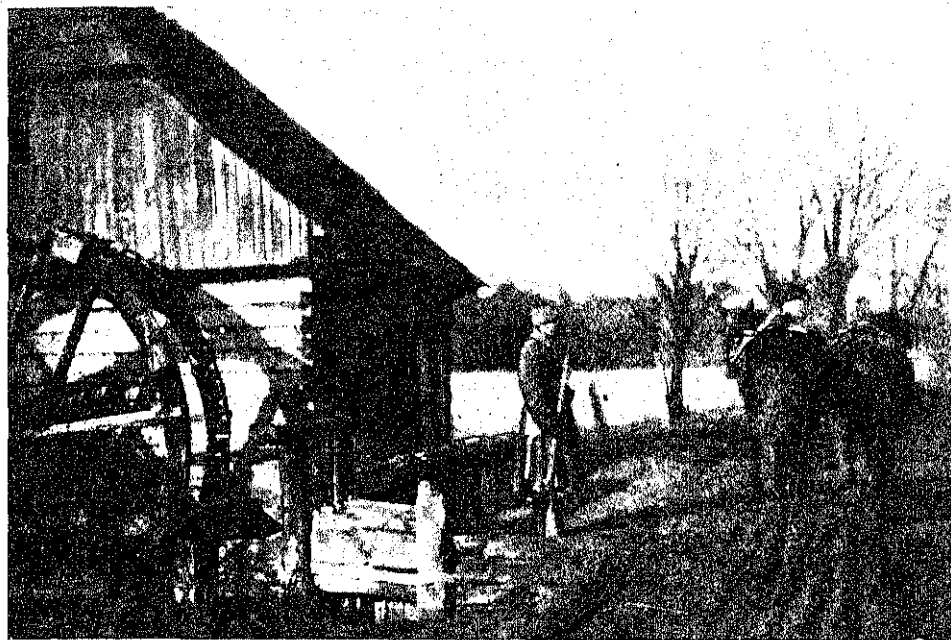
жить. «Послѣ трехчасоваго боя, — рассказываетъ одинъ рядовой, — нмцы уничтожили все наши орудія. Вся артиллерійская прислуга была перебита, изранена, и мы должны были стоять подъ нмцимъ огнемъ даже безъ возможности обороняться. Все воскресенье, и ночью и днемъ, нмцы осыпали насъ пулемѣтною. Когда мы вышли изъ сферы огня, оказалось, что одними убитыми мы потеряли трехсотъ человекъ, включая сюда четырехъ офицеровъ».

И все же они стояли, беззащитные, безоружные, обреченные на смерть, сжигнуто погибали десятками, — и не уступили ни пяди. Когда-нибудь пѣвцы и поэты увѣковѣчатъ ихъ въ патетическихкихъ пѣсняхъ, а теперь попробуйте пережить всеи первыми хотя бы такой эпизодъ, рассказанный однимъ офицеромъ въ письмѣ къ своей матери изъ бельгійскаго госпиталя:

«Мы задерживали нмцевъ весь день, убивая ихъ цѣлыми сотнями, когда къ вечеру, въ пятомъ часу, пришелъ приказъ отступать. До насъ этотъ приказъ не дошелъ, и когда все отступили, мы остались одни-одиношеньки. Маленькій англійскій островокъ среди безграничнаго моря германцевъ! Прикрывала насъ отъ нихъ желѣзнодорожная насыпь, но нмцы взобрались на нее. Отступать было некуда, ибо наши, когда отходили, взорвали за собою мостъ. Съ одной стороны неприятель, съ другой — широкій каналъ.



На позиціях. Въ резервѣ. Ковка.



Пикет у мельницы

Надежды на спасение никакой. Мы рѣшили продать свою жизнь недорого, завинтили патроны, и на них! Солдаты поражали безстрашием, но падали под пулями, какъ кегли. Пуля попала мнѣ въ правую руку, въ которой я держалъ револьверъ. Я выронилъ револьверъ и былъ не въ силахъ вытащить саблю. Вскорѣ другая пуля угодила мнѣ въ ногу, въ колено. Я упалъ, а мой отрядъ побѣжалъ дальше, на нѣмецкѣ. Что было потомъ, я не видѣлъ, но всѣ видѣвшие съ восхищеніемъ разсказываютъ объ этой геройской атацѣ. Жители мнѣ потомъ сообщили, что вокругъ моста нашли до 5.000 убитыхъ нѣмцевъ и 60 англичанъ. Эти-то 60 человекъ и составляли почти весь мой отрядъ... Лежа на травѣ, я почувствовалъ, что весь рукавъ у меня полонъ крови. Кровь не просто сочилась изъ раны, а била, какъ говорится, фонтаномъ. Я понималъ, что мнѣ повредили артерію. Когда я лежалъ на землѣ, нѣмцы все время палили въ меня, желая прикончить раненаго, но одна пуля наткнулась на саблю, скользнула по ней и отскочила прочь, другая пуля влетѣла ко мнѣ въ карманъ, но, наткнувшись на какую-то жестянку, тоже не причинила вреда. Впоследствии я узналъ, что оба стекла въ моемъ биноклѣ тоже пробиты пулями..“

И какъ это хладнокровно разсказывается, точно дѣло идетъ не о немъ, а о какомъ-то постороннемъ событіи, совершенно его не касающемся. Погибли шестьдесятъ человекъ, окруженные несметной ордой, погибли легендарной смертью, хотя никто не мѣшалъ имъ сдаться комфортабельно въ плѣнъ, — и объ этомъ героическомъ подвигѣ разсказывается такъ дѣловито и сухо, словно это самая заурядная вещь, о которой и говорить бы не стоило. Англичанинъ не тратитъ напрасно ни жестовъ, ни восклицаній, ни слезъ. Только могучей душой доступенъ такой лаконизмъ!

Не знаю, тогда ли именно, или немного поздѣе, совершилъ бата-



Выѣзжаютъ на развѣдку.



На развѣдкѣ.

рейный Гарлокъ свой удивительный подвигъ, за который его одновременно и прославили и разбранили жестоко.

Его ранило въ правую ляжку, онъ отправился на перевязочный пунктъ. Докторъ перевязалъ ему рану и велѣлъ сейчасъ же, немедленно лечь въ лазаретъ. Гарлокъ сдѣлалъ видъ, что идетъ въ лазаретъ, а самъ бѣгомъ на свою батарею, къ орудію! Только-что успѣлъ зарядить, трахъ! — новый нѣмецкій снарядъ, новая рана въ спину. Онъ снова идетъ на перевязочный пунктъ, докторъ смотритъ на него съ изумленіемъ:

— Зачѣмъ же ты не пошелъ въ лазаретъ?

Гарлокъ объясняетъ, что не могъ отыскать лазарета, искалъ-искалъ, не нашелъ; ему даютъ проволочатаго, и докторъ говоритъ ему съ сердцемъ:

— Если могъ добраться до своей батареи, дойдешь и до лазарета, ничего!

Вышли они вдвоемъ съ санитаромъ. Гарлокъ ему говоритъ:

— Иди къ другимъ, я и безъ тебя обойдусь.

Когда тотъ ушелъ, Гарлокъ обернулъ смыслъ того, что сказалъ ему докторъ:

— Если могу до лазарета дойти, стало-быть, и до батареи дойду!

И опять замовылять къ орудію. Черезъ двѣ-три минуты нѣмецкій снарядъ раздробилъ ему правую руку. Снова онъ предсталъ передъ докторомъ. Наши офицеры не знали, бранить или хвалить его за это. Попробовали-было бранить, да языкъ не повернулся во рту. И дали ему орденъ Викторіи...

Такъ повѣствуетъ въ письмѣ товарищъ этого упрямого героя. Я замѣтвую письмо изъ „Daily News“. Гарлокъ—но исключеніе, а правило. Такой духъ проникаетъ всю армію, и надо радоваться, что два миллиона Гарлокъвъ находятся вѣнѣ въ строю. Если въ началѣ кампаніи, когда ихъ численность была незначительна, они проявили столько сказочной храбрости, то теперь они совершаютъ чудеса. Теперь для нихъ нѣтъ невозможнаго. Теперь они покажутъ германцамъ, что такое британскій футболъ. Но и въ тѣ черные дни, когда, казалось, ничто не могло спасти ихъ отъ рокового разгрома, у нихъ, кромѣ флегматической стойкости, проявилась другая великая сила, которая и помогла имъ безтрепетно вынести эту злую грозу. Эта сила называется юморомъ.

VI. Юмористы.—Спортсмены.

Не забудемъ, что это народъ юмористовъ, народъ-юмористъ, что Свифтъ, Гогартъ, Фильдингъ, Диккенсъ, Теккерей, Томасъ Гудъ и прочіе гены смѣха созданы этимъ народомъ; что и Джекобъ и Джеромъ К. Джеромъ—тоже его пороженіе. Весь міръ восхищается обликомъ незабвеннаго мистера Уэллера, каждое изреченіе котораго, вотъ уже семьдесятъ лѣтъ, вызываетъ гомерическій хохотъ, а вѣдь этотъ простонародный мудрецъ есть подлинное воплощеніе тѣхъ самыхъ круговъ Альбіона, изъ коихъ и вербуются солдаты. Если бы на русскій языкъ были грамотно переведены „Три солдата“, очерки Редьярда Киплинга, то русскіе читатели знали бы, что нынѣшній британскій солдатъ по своей наклонности къ юмору есть достойный наследникъ Уэллера.

„Вѣкъ не видалъ я такихъ жизнерадостныхъ парней,—пишетъ изъ военнаго госпиталя полковой священникъ Татерсолъ.—Они даже въ госпиталѣ изумительно веселы. У этого вышибленъ глазъ, тотъ раненъ осколкомъ шрапнели, но все для нихъ—тринь-трава, пустяки; со смѣхомъ переносятъ все ужасы“.

Салперъ Врэдди даже готовъ утверждать, что именно терзанія и муки вызываютъ въ солдатахъ веселость. Чѣмъ больше ужасовъ, тѣмъ они веселѣе,—на зло, наперекоръ этимъ ужасамъ. Смѣхомъ они побѣждаютъ печаль, юморомъ продолжаютъ страданія. „Я никогда не видалъ ихъ такими веселыми, какъ именно въ часы испытаній,—разсказываетъ этотъ саперъ.—Въ окопахъ подъ непрерывнымъ огнемъ—шутки, пѣсни, анекдоты, концерты! Порою играемъ въ футболъ; роль мяча исполняетъ нѣмецкая каска. А то затѣваемъ пари: гдѣ разорвется ближайшій германскій снарядъ? Выигравшій получаетъ все ставки“.

Въ каждомъ отрядѣ, въ полку, въ лазаретѣ, непременно найдется солдатъ, обладающій способностью смѣшнить. Счастливая способность, драгоценная! Тутъ она нужна въ всего. Эти полковые шуты выполняютъ великую функцію: они анестезируютъ боль, они облегчаютъ все тягостное.

„Есть у насъ шотландецъ, умора!—читаемъ въ одномъ письмѣ.—Роздалъ всю одежду бельгіякамъ, самъ остался голъ, какъ соколъ. А потомъ нарядился, для смѣху, въ юбочку шотландскаго гвардейца, напялилъ красные французскіе штаны, пару бельгійскихъ сапоговъ, и къ довершенію эффекта завернулся въ уланскій плащъ“.

И вправду, должно-быть, былъ очень смѣшонъ этотъ попутайный, франко-нѣмецкій, шотландско-бельгійскій костюмъ, и, должно-быть, носившій его выступалъ въ немъ съ шутковскими ужимками, съ хватками природнаго комика, ибо солдаты надърывались отъ смѣха.

— Мы чуть не разорвались пополамъ,—разсказываетъ еержантъ Т. Кахиль о другомъ полковомъ шутникѣ.— Просто бока разболѣлись отъ хохоту. Ну жъ и весельчакъ этотъ Кленсъ! Окопачиваетъ нѣмчуру—первый сортъ! Взялъ вчера фуражку, нацѣпилъ на полѣно и поднялъ надъ окопомъ для забавы. Нѣмцы пошли палить, истратили тонны свинца, а онъ не переставалъ насъ смѣшнить.

Эти отдѣльные шутники и остряки выражаютъ общее настроеніе арміи. Все письма въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ, что въ минуты высшаго боевого подъема англичане проявляютъ мальчишески-веселый задоръ и, словно состязаясь другъ съ другомъ, школьничаютъ, затѣваютъ проказы.

То они пишутъ на пушечныхъ одиннадцатидюймовыхъ снарядахъ:

„Привѣтъ изъ Англій!“

„Спеціально для кайзера!“

То на своемъ воинскомъ побѣдѣ дѣлаютъ начертаніе мѣломъ:

„Прямое сообщеніе съ Верлиномъ!“

То сочиняютъ экспромптомъ нескладную, но бойкую пѣсню про пляшущаго кайзера Вилли, которую тутъ же и распѣваютъ, приплясывая:

Пляши, коли пляшешь, Вилли,
Пляши впередъ и всячь,
Зови танцоровъ, Вилли,
Мы не устанемъ играть“ и т. д.

И все это неизменно свидѣтельствуешь о припадкомъ бра-дурно-мажорномъ „настройствѣ“, въ которомъ эти люди находятъ.

Нѣсколько дней подъ рядъ нѣмцы аккуратно во время обѣда начинали палить по британцамъ:

— Чувствуютъ запахъ свинины!—объявляетъ веселый ирландецъ.—Такъ и тянетъ съ голодухи на съѣстное!

Пуля попадаетъ въ жестянку съ говядиной:

— Вотъ и отличис: не придется ее открывать. Самы нѣмцы, спасибо, откупорили!

— Все для нихъ шутка и смѣхъ,—разсказываетъ одинъ офицеръ.—Дождь-ливень, сплошная вода. Я говорю вѣговому:—„Ступай, приведи мнѣ коня!“—„Не прикажете ли, ваше благородіе, лодочку?“

Свои окопы, нѣрѣдко залитые дождемъ, они называютъ Нѣбс! до Лука, Венеціанскій каналъ, „Бускингемскій дворецъ“ и т. д. Задерживая наступленіе нѣмцевъ, ничтожная горсть англичанъ спряталась въ какой-то лавчонкѣ, осажденной со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, и долго осыпала его выстрѣлами. Вдругъ начальникъ отряда, сержантъ, закричалъ на верхней полкѣ нѣсколько шоколадныхъ плитокъ.—„Робята,—сказалъ онъ,—за каждого нѣмца вы получите по шоколадкѣ въ награду!“—и съ тѣхъ поръ послѣ всякаго удачнаго выстрѣла онъ неизменно говорилъ: „получай!“ и при дружномъ одобрителномъ смѣхѣ швырялъ отличившемуся стрѣлку шоколадъ. „Увы,—закрываетъ свою повѣсть разсказчикъ,—немногимъ довелось послѣ боя отъѣдать эту сладкую награду. Немногіе остались въ живыхъ!“

Въ этой удалой захватской средѣ принято относиться къ своимъ личнымъ страданіямъ съ призрительной усмѣшкой, шутя. Этого тамъ требуетъ приличіе. Установился уже трафаретъ для описанія собственныхъ ранъ:

„Яшка Джонсонъ *) вожалъ мнѣ руку; отхватилъ мнѣ кусочекъ уха; провертѣлъ пять дырочекъ въ лѣвомъ плечѣ, двѣ—въ груди, семь въ голени, дожилину (мелкихъ) въ башкѣ, и множество—въ обѣихъ рукахъ; такъ что я цѣлые дни выколупывалъ отосковы осколки!“ („Daily News“, 22 декабря 1914).

Или вотъ сообщеніе о полученіи раны въ ступню:

„Въ день рожденія получилъ я подарокъ отъ кайзера“.

Такого ухарски-небрежнаго тона въ описаніи своихъ злоключеній требуютъ традиціи среды. Здѣсь юморъ, какъ и храбрость,—обязательны.

„Безъ юмора не смѣй и умереть!“—гласитъ неписанный солдатскій уставъ. Какъ раздражаетъ британскаго воина, что нѣмцы нечувствительны къ юмору! Нѣкій Томми какъ-то взобрался на иву нарѣзать себѣ явovýchъ прутьевъ. Раздался выстрѣлъ, но мимо. Томми и крикнулъ, багуясь:

— Промажнулся! Лѣвѣе возьми!

— Опять промахнулся! Правѣе!

Снова послышался выстрѣлъ, и Томми съ прострѣленнымъ черепомъ свалился съ ивы на землю. Нѣмецъ не отбѣнилъ его юмора („Daily News“, 19 дек.) Такойъ духъ, заражающій всѣхъ. Раненому, падая въ окопъ, нужно непременно воскликнуть:

— Кайзеръ Билль укушилъ меня за ногу!

Или что-нибудь другое, въ этомъ родѣ. Я былъ пораженъ, читая въ Times'ѣ письмо знаменитаго англійскаго писателя Райндера Хаггарда о смерти его племянника, капитана Марка Хаггарда: тотъ въ свои предсмертныя минуты, видя неизбежную гибель, смѣялся—„смѣялся, пока не упалъ“ (10 октября 1914).

О такомъ же неожиданномъ смѣхѣ во время смертельной опасности разсказываетъ одинъ простодушный матросъ: „Тотчасъ же послѣ перваго выстрѣла мы смѣялись очень веселыми и смѣялись, пока не кончился бой“. Это не истерическій смѣхъ невращенниковъ, это просто душевный подъемъ здоровыхъ, безстрашныхъ людей. Они повѣствуютъ безхитростно: „мы стали прыгать, плясать, вдругъ изъ лазурнаго неба свалилась на насъ граната, и двадцать человѣкъ пали мертвыми“ („Эддокъ“, стр. 63).

Смѣхъ и смерть! Смѣхъ надъ смертью! Смѣются, чтобы не плакать. Шутятъ, чтобы не кричать отъ отчаянія. О, не даромъ Пушкинъ приписалъ англичанамъ свою трагедію „Пиръ во время чумы“. Это чисто-англійское свойство! Въ этомъ-то и заключается юморъ, его естество, его сущность. Англичанинъ ненавидитъ отчаяніе; его величайшая радость—бороться съ собственной слабостью, побѣждать въ себѣ малодушіе, испугъ. Отсюда и возникъ его юморъ, этотъ смѣхъ, побѣждающій скорбь. Смѣхъ, побѣждающій смерть! Я, конечно, ни секунды не думаю, что все эти солдатскія остроты удачны, что каждый Томми Аткинсъ есть Диккенсъ; мнѣ не важно, какъ они шутятъ: хорошо или плохо, остро или шлоко, мнѣ важнее самый фактъ: они шутятъ. Они поголовно охвачены юморомъ—и даже тѣ прозвища, которыя ими даются самымъ зловѣщимъ, путающимъ явленіямъ войны, свидѣтельствуютъ объ этомъ несокрушаемомъ юморѣ. Колоссальные снаряды германцевъ ими окрещены въ „Яшку Джонсона“, въ „Черную Машку“ и пр. А когда какой-то солдатъ, по фамиліи Пальмеръ, страдающій невральгіей лица, увидѣлъ издали Черную Машку и внезапно излѣчился отъ боли, вся армія стала величать это пугало: „Цѣлебное снадобье Пальмера“ (Palmer's Cure **).

*) Такъ фамильярно именуется англійскій солдатъ колоссальные снаряды германцевъ.

***) „Собраніе солдатскихъ писемъ“ Кильпатрика, стр. 34.

Предо мною цѣлая коллекція пѣсенъ, сочиненныхъ англичанами въ траншеяхъ на мотивы популярныхъ балладъ, и среди нихъ—ни одной торжественной или угрюмой, а все шутовскія и шуточные. Преобладаетъ, конечно, сатира, этого нарочито-английскаго рода пѣсенотворчества: сатира на кайзера Вилля, на полкового цырюльника, на дурно-испеченный хлѣбъ,—рѣшительно на всёхъ и на все. Жалоба смѣхотворства оказалась и тутъ. Но кромѣ того примѣчательно, что во множествѣ этихъ сатиръ одна бригада уязвляетъ другую, одинъ батальонъ уязвляетъ другой. Между ними какая-то вѣчная распря. То-есть не распря, а соревнованіе, споръ. „Беркширцы“ съ „Йоркширцами“, „Сѣрые“ съ „Черными“, „Гордонцы“ съ „Кольдстримцами“—находятся въ неустаннымъ соперничествѣ. Они состязаются въ подвигахъ, они стремятся затмить другъ друга безоглядово-лихими дѣлами. Можно подумать, что здѣсь соревнованіе спортивныхъ „командъ“ изъ-за какого-нибудь кубка. Вотъ еще британская черта: безъ спорта они не проживутъ ни минуты. Для нихъ это мировое побоище—какой-то грандіозный футболъ. Каждая



Передъ развѣдкой.



Наблюдатели.

схватка съ германцами неизмѣнно рисуется Аткинсу въ видѣ какого-то матча, иначе онъ не воспринимаетъ войну, и часто, описывая тѣ боевыя событія, въ которыхъ онъ участвовалъ лично, онъ сбивается на жаргонъ чемпиона:

„Нѣмцы проиграли пять партій, а у насъ ни одного проигрыша. Ихъ голкиперы слабы. Наши форварды держались молодцами. Главный же матчъ впереди.“ („Adcock“, p. 101).

Типичны и такія выраженія:
„У нѣмцевъ—ни малѣйшаго шанса. Я и мѣднаго фаринга (гроша) не поставлю за нихъ. Всѣ мои ставки—за французовъ и русскихъ“.

Всякія ставки, пари неизмѣнно сопутствуютъ спорту. Мы уже видѣли, что англичане подѣ выстрѣлами держатъ другъ съ другомъ пари, гдѣ разорвется ближайшій нѣмецкій снарядъ. О томъ же повѣствуетъ майоръ, носящій громкую фамилію Шекспиръ. „Томми держатъ другъ съ другомъ пари на пятифранковую бумажку, что ближайшій снарядъ упадетъ тамъ-то и тамъ-то“,—читаемъ въ его письмѣ, напечатанномъ въ газетѣ „Daily News“ (22 декабря 1914 г.).

Съ такимъ же спортивнымъ азартомъ

описываютъ англичане состязаніе аэроплановъ. Вотъ, напримеръ, письмо, которое могло быть написано только прирожденнымъ спортсменомъ:

„Изъ окоповъ мы на-дняхъ наблюдали воздушную дуэль между французомъ и нѣмцемъ. Интересно,—какъ гонка яхтъ! Французъ выдѣлывалъ разныя штуки, плелъ петли, кидался то вправо, то влѣво, пока не поднялся надъ нѣмцемъ. Совѣмъ, какъ скворцы: то одинъ наверху, то другой. Обмѣнивались револьверными выстрѣлами.“ („Daily News“, 10 ноября).

Другой солдатъ выражается такъ:
„Мы видѣли, какъ два аэроплана сѣпились надъ нами въ воздухѣ—зрѣлище очень захватывающее.“ („Daily News“, 16 ноября).

Это зрѣлище такъ захватило обоихъ, что оба забыли о страхѣ, хотя битва происходила надъ ними. Не чудилось ли имъ въ это время, что они сидятъ на трибунѣ и мирно наслаждаются Дерби? Поле битвы имъ всегда представляется въ видѣ арены, ристалища,—и это еще больше увлекаетъ ихъ въ бой. Прелестно письмо одного рядового: „жители Серрея могутъ гордиться: ихъ земляки, какъ въ крокетъ, такъ и въ сраженіи—первые. Не отступятъ, пока не выиграютъ“. Многие привезли изъ-за моря большіе мячи для футбола, пристегнутые къ тяжелому ранцу, и, даже идя въ атаку, не желали расстаться съ ними. Одинъ саперъ изображаетъ въ письмѣ, какъ англичане (ликольцы)



У Цейсъ-трубы.

Развѣдочная служба въ нашей арміи. По фот. нашего корреспондента.



Походная церковь, сооруженная солдатами из еловых вѣтвей. Подъ этой крестной сѣнью шлютъ войны къ Престолу Вышнему свои моления о дарованіи силъ на служеніе Престолу, Царю и Родинѣ.

играли въ футболъ подъ огнемъ и только тогда прекратили игру, когда сверху, съ нѣмецкаго „таубе“, было брошено нѣсколько бомбъ. Французы даже попеняли намъ дружески: „пу можно ли заниматься игрою, когда на голову падаютъ ядра“. („Daily News“, ноябрь).

Какъ бы то ни было, эта національная британская страсть, надъ которой въ Германіи было столько насмѣшекъ, чрезвычайно облегчаетъ для Аткинса тяжкое бремя войны. Своди всякій боевой эпизодъ къ привычнымъ и любимымъ формамъ спорта. Томми Аткинсъ не чувствуетъ себя новичкомъ на новомъ, малопытанномъ поприщѣ. Спортъ какъ бы окрыляетъ его, придаетъ замалчивую прелесть, увлекательность томительной военной страдѣ. Здѣсь какіе-то новые стимулы для жертвы, трудовъ и лишений. И такъ какъ въ британскомъ спортѣ главное — отнюдь не азартъ, а высоко-развитое социальное чувство, привычка къ дисциплинѣ и т. д., то ясно, что этимъ футболистамъ ихъ футболъ — не укоръ, а хвала: въ немъ ихъ сила, а вовсе не слабость, какъ почему-то полагали германцы, осыпавшіе въ своемъ „Симплициусѣ“ цѣлой тучей карикатуръ и насмѣшекъ эту „жюкейскую



Братскія могилы павшихъ гренадеръ.



У братской могилы по дорогѣ къ Опатову.

армію, вооруженную шарами и молотками отъ крокета, футбола, лаунъ-тенниса“.

Теперь такихъ карикатуръ уже нѣтъ.

VII. „Мы“.

Я упомянулъ о развитіи социальныхъ инстинктовъ. Пожалуй, это поражаетъ васъ больше всего, когда вы знакомитесь съ солдатскими письмами. Вы только вообразите такое: пишетъ юноша, почти мальчикъ, вчерашній ребенокъ, изъ самаго пекла войны, пишетъ своей матери-старухѣ, какой-нибудь мистрисъ Смитъ или Роджерсъ, которая гдѣ-нибудь въ Рѣдингѣ, въ Кардифѣ, въ Лидсѣ ждетъ его письма съ содроганіемъ, вскрываетъ это письмо въ полу-обморочѣ, — и что же: онъ — о себѣ ни полслова! Исписываетъ восемь страницъ разказами о какихъ-то бригадахъ, батареяхъ, траншеяхъ, а о себѣ позабылъ. И хотѣлъ написать, да забылъ! Онъ вѣдь давно уже забылъ о себѣ, пересталъ какъ-то себя замѣчать, давно потерялъ свое „я“, оно все растворилось, растаяло въ этихъ бригадахъ, батареяхъ, траншеяхъ... У него появилось взамѣнъ другое огромное слово: „мы“. Въ письмахъ английскихъ солдатъ это слово на каждой строчкѣ. „Мы взяли“, „мы разбили“, „мы прогнали“, — только о томъ и читаешь. Личность въ коллективѣ растворилась безъ остатка такъ полно, какъ еще не случилось въ исторіи. Впервые на нашей планетѣ со-

вершается въ такихъ огромныхъ размѣрахъ этотъ рѣдкостный психологическій опытъ. И впервые мы можемъ проверить его по множеству документальныхъ свидѣтельствъ, по этимъ драгоценнымъ солдатскимъ каракулямъ на замусоленныхъ измятыхъ лоскуткахъ, которыя для грядущихъ историковъ будутъ дороже всѣхъ Геродотовъ и Несторовъ!

Вотъ что пишетъ сынъ-солдатъ своей матери:

„Мы сражались два дня превосходно. Нашъ полкъ воевалъ геройски. Мы потеряли немного, но потери неприятеля страшныя. Наша бригада захватила до 400 плѣнныхъ...“ („Daily News“, 3 ноября).

„Мы“, „наша бригада“, „нашъ полкъ“ — здѣсь теперь весь его космосъ, но бѣдная старуха, мнѣ чудится, долго вертитъ это письмо, перечитываетъ, ищетъ по всѣмъ его уголочкамъ: „гдѣ же сынъ говоритъ о себѣ?“ И не находитъ ни строчки! Ея сынъ такъ захваченъ своими бригадами, полками и дивизіями, что ему нужно большое усиліе, чтобы вновь обрѣсти свое „я“. Онъ можетъ писать только такъ:

„Разсказать вамъ подвиги нашего батальона — не хватитъ и цѣлаго дня, а что сдѣлала наша бригада, того и въ недѣлю не расскажешь. Я скажу лишь одно: мы отразили десятки атакъ отборнѣйшихъ Вильгельмовыхъ войскъ, и, какъ объявилъ намъ бригадный, французская линія осталась непрорванной только благодаря нашей стойкости. Мы съ честью поддержали доброе имя кольдстримцевъ“.

Вы замѣчаете здѣсь нотку похвалы, но вѣдь не собою же онъ похваляется, а своей бригадой, своимъ батальономъ, не себя онъ прославляетъ, а кольдстримцевъ. Честь кольдстримцевъ для него дороже своей. Въ этихъ письмахъ вы ежеминутно читаете:

„Нашцевъ было втрое больше, чѣмъ насъ, но, слава Богу, ливерпульцы ни разу не дали гѣмцамъ поблажки“.

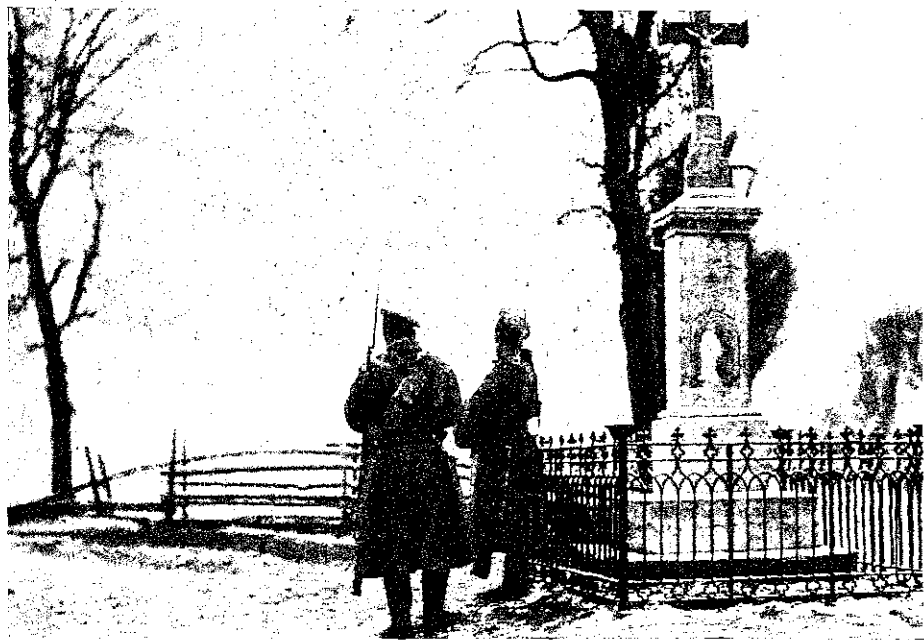
„Спросите у раненныхъ о подвигахъ нашихъ валлійцевъ. Они разскажутъ такое, что вы будете нами гордиться“.

Личное честолюбіе исчезло, замѣнилось корпоративнымъ, общиннымъ. Въ связи со своей бригадой, дивизіей, съ той или иной ячейкой арміи, человекъ уже не ощущаетъ себя. Онъ охотно отдастъ свою жизнь, лишь бы его возлюбленный полкъ, его regiment оказался не хуже другихъ. Иного честолюбія онъ не знаетъ, но это честолюбіе безгранично. Какъ онъ разсерженъ и обиженъ, если газеты по какой-нибудь случайной причинѣ не воздадутъ его полку должныхъ почестей:

„Генераль обсыпаетъ нашъ полкъ комплиментами, но я еще ни разу не видѣлъ, чтобы нашъ полкъ похваляли газеты, между тѣмъ какъ другіе полки удостоиваются похвалъ за такія дѣла, которыя среди насъ заурядны“, — негодуетъ сержантъ Гаррисонъ.



прибывшіе на позицію солдаты.



Часовой съ подчаскомъ.

Рядовой Моди также задѣтъ за живое: „Вы говорите, что, читая газеты, вы въ нихъ не наткнулись ни разу на свѣдѣнія о нашихъ валлійцахъ. Но, чертъ возьми, мы бывали въ такихъ передѣлкахъ!“

Съ какой-то особенной вѣжностью говорятъ они о своемъ regiment'ѣ. Въ письмѣ одного капрала мнѣ понравилась такая строка: „луна озарила гѣмецкіе шлемы: мой милый, дорогой старый полкъ навинтилъ штыки и—на нихъ!“ Особенно гордятся эти люди, когда въ ихъ миломъ и дорогомъ regiment'ѣ окажется увѣнчанный герой.

„Въ нашемъ полку уже есть одинъ, награжденный орденомъ Викторій“, — радуется сержантъ Скартефильдъ, словно орденъ достался ему. Зато самъ-то получившій награду пишетъ своей матери такъ:

„Ты просишь, чтобы я написалъ о себѣ. Терпѣть не могу писать о себѣ“.

Вотъ если бы мать догадалась разспросить его о его возлюбленной бригадѣ, дивизіи, онъ прислалъ бы ей подробнѣйшій длинный отчетъ. Такихъ писемъ-отчетовъ въ моей коллекціи множество. Каждый матросъ съ упоеніемъ



на позицію.

писать о подвигахъ своего корабля, каждый рядовой о своихъ гордонцахъ, валлійцахъ, кольдестримпахъ.

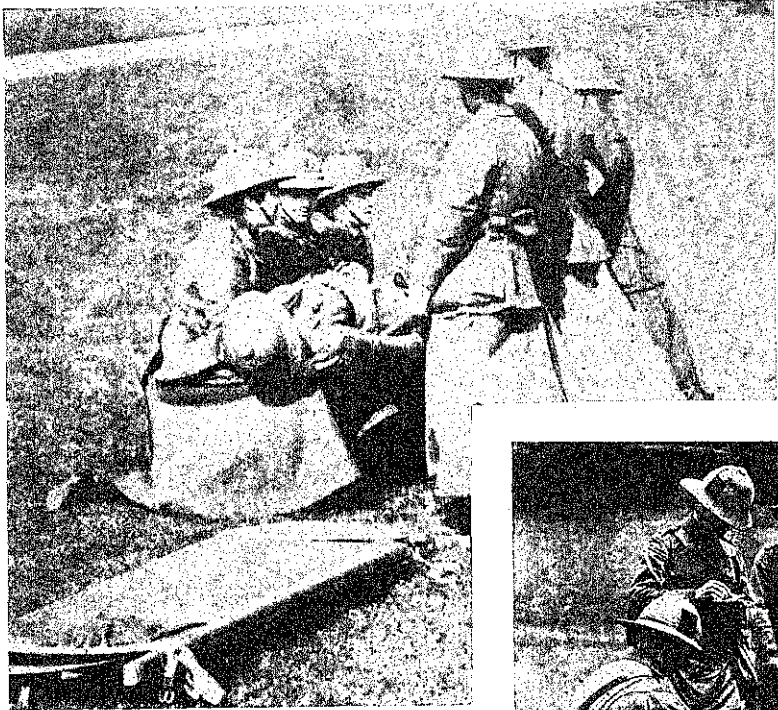
Большинство этихъ солдатскихъ посланій сводится къ такой похвалѣ:

„Нашу батарею такъ и зовутъ: знаменитая. Знаменитая вторая батарея! Такое прозвище намъ далъ одинъ французскій генераль и два англійскихъ. У насъ самыя большія орудія: каждый снарядъ — три пуда“ и т. д., и т. д. и т. д.“

Но не слѣдуетъ думать, что въ это солдатское „мы“ входятъ лишь полки да батареи, лишь мелкія ячейки корпусовъ. Напротивъ, никогда это „мы“ не было такъ широко и огромно: вѣдь оно охватило полмира—и Францію, и Бельгію, и насъ. Трогательно читать въ этихъ письмахъ, какъ радуется Томми нашимъ радостямъ, и какъ печалитъ его наши печали. Связавъ свою судьбу съ судьбою нашей арміи, нашего рядового Иванова, Томми заочно подружился съ Ивановымъ, сдѣлалъ его своимъ mate'омъ (товарищемъ) и участливо слѣдитъ за нимъ издали.

„Новопринедшій саперъ развеселилъ насъ разсказами о русской побѣдѣ въ Галиціи“, — читаемъ въ одномъ письмѣ.

^{*)} Въ приведенномъ въ этой главѣ солдатскія письма заимствованы мною изъ газеты „Daily News“ за октябрь, ноябрь и декабрь 1914 года.

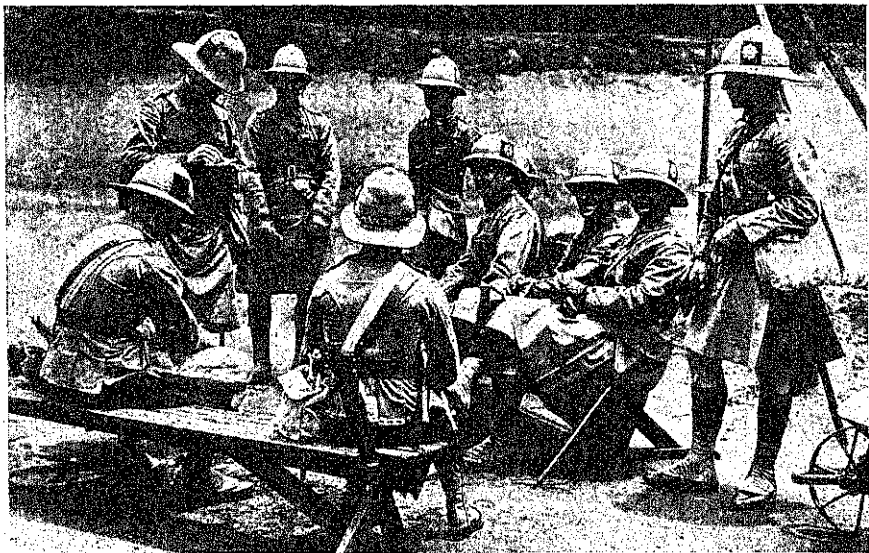


Английскія сестры милосердія, обучающіяся на манекенѣ переноскѣ раненыхъ.

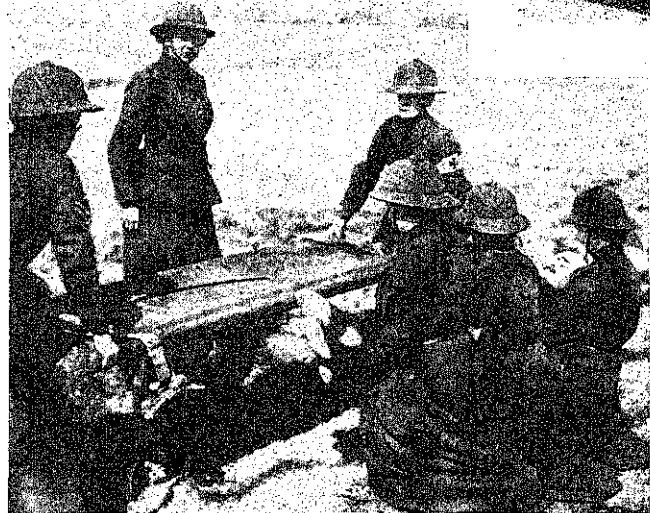
а въ другомъ очень живо рассказывается, какъ, по поводу русскихъ побѣдъ, английскіе солдаты въ окопахъ, при участіи француз-

скихъ музыкантовъ, устроили русскій концертъ, и какъ нѣмецкіе снаряды помѣшали этому проявленію пріязни. На британскихъ броненосцахъ матросамъ показываютъ въ кинематографическихъ снимкахъ картины изъ русскаго быта, и тѣ встрѣчаютъ ихъ съ большимъ энтузіазмомъ. Въ свое „мы“ они все больше включаютъ и насъ. Въ ихъ письмахъ есть много свидѣтельствъ такого слиянія съ нами.

Какъ горько, что у насъ въ Россіи никто до сихъ поръ не догадался собрать русскія солдатскія письма! Это были бы драгоценныя нерукотворныя памятники русской народной души. Въ Англии уже появилось около десятка такихъ „хрестоматій“ — и пора уже нашему обществу, чтущему своего сѣраго „рядового Иванова“, съ благоговѣніемъ прислушаться къ его мыслямъ, уюваніямъ и чувствованіямъ.



Английская милиція изъ Южной Африки.



Английскія сестры милосердія.



Английскіе офицеры на позиціяхъ. За завтракомъ.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

По условіямъ разсрочки подписной платы за „Ниву“ сего 1915 г., къ 1 апрѣля слѣдовало внести **не менѣе 4 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **немедленною присылкою** слѣдующаго взноса, во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала со 2-го мая—**съ 18-го номера.** Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копию печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ и непременно указать,** что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **28 коп.** и **печатный адресъ.**

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.

